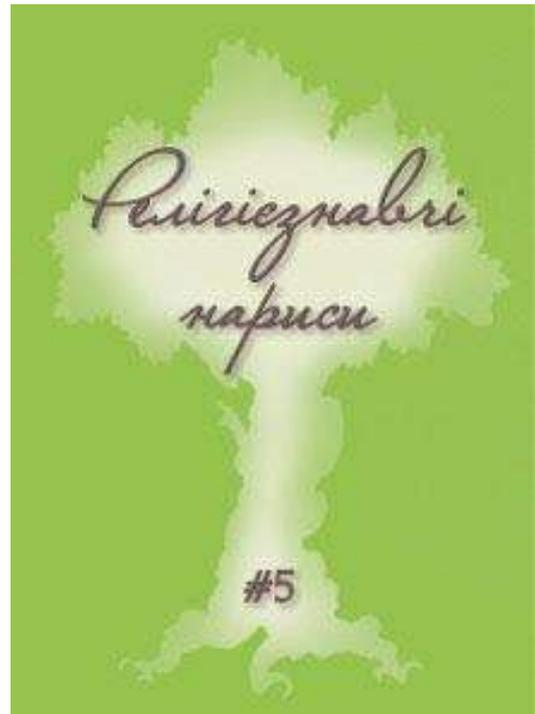

РЕЦЕНЗИЯ НА 5-Й ВЫПУСК ЖУРНАЛА «РЕЛІГІЄЗНАВЧІ НАРИСИ»

Знакомство со статьями «Релігієзнавчих нарисів» пробудило во мне какие-то ностальгические чувства: я снова погрузился в атмосферу религиозных дискуссий, поисков, исследований, которыми была наполнена жизнь факультета философии и религиоведения в довоенном Донецке.

Так было вплоть до уже достаточно далекого 2011 года, когда усилиями МОН Украины Государственный университет информатики и искусственного интеллекта в городе Донецке, а вместе с ним и наш факультет были показательно разгромлены и уничтожены. Воистину хаос начинается с разрухи в головах. С тех пор прошло 5 лет и, несмотря на то, что начатые исследования в той или иной степени продолжались, а

специальность «религиоведение» кое-как продолжала существовать, атмосфера философско-религиозного «улья» была безвозвратно потеряна. Именно этой атмосферой дохнуло со страниц «Релігієзнавчих нарисів» – начатые, но так и не законченные споры, череда всевозможных мероприятий, чьи-то инициативы, уместные и не очень, какие-то гуру, их последователи, критики и ниспровергатели – все это угадывается за продуманным и достаточно строго организованным материалом сборника. Интересно, что проблемы, вокруг которых когда-то в Донецке ломалось наибольшее количество копий, остались в центре внимания религиоведов и сегодня. Украинские исследователи религий все так же задаются тремя фундаментальными вопросами: что является предметом религиоведения? Существует ли особая религиозная методология, и если да, то в чем ее специфика? Каковы цели и социальные задачи религиозных изысканий?

Эти классические вопрошания, сопровождающие религиозную науку, кажется, с момента ее основания в XIX веке, в современной Украине приобрели новое звучание. В ситуации жесточайшего кризиса национальной науки вообще и гуманитарного знания в особенности остаются невостребованными даже те изыскания, которые сулят быстрые практические результаты. Что уж говорить об исследованиях в сфере духа, до известной степени этот «дух» формирующих, то есть направленных в отдаленное национальное завтра. Религиоведение здесь вообще попадает в особо сложное положение в силу неопределенности государственной позиции, из которой следуют вопросы финансирования, как самих исследований, так и подготовки специалистов в этой области. Тем не менее, именно инициативы, подобные «Релігієзнавчим

нарисам» могут стать действенной альтернативой той порочной государственной политики в сфере науки, которая привела к деградации научной периодики и литературы, а вместе с ними и научного сообщества. Возможно, из коллективов авторов и читателей журналов, подобных рецензируемому, вырастет более свободное в своих интересах, действиях, коммуникациях научное сообщество Украины.

Собственно, все содержание журнала, с моей точки зрения, может быть рубрифицировано в соответствии с вопросами о предмете, методе и цели религиоведения. С этими же вопросами связаны как достоинства, так и недостатки научных статей, опубликованных на страницах журнала. Знакомясь на протяжении двух десятков лет с публикациями украинских религиоведов, а также беседуя со многими из них лично, я могу достаточно уверенно констатировать, что именно проблемы предмета и цели науки о религии являются наиболее дискуссионными. То ли в силу атеистической советской «осени», то ли по каким-то другим причинам, в Украине, как и в остальном постсоветском пространстве (а из публикации Томаша Бубика следует, что и в пространстве постсоциалистическом), представление о том, что же и с какой целью изучает религиоведение, достаточно размыто. Возможно, поэтому в «Релігієзнавчих нарисах» так много публикаций, посвященных методологии и концептуалистике исследований, а немногочисленные попытки поставить вопрос о сути религии и ее месте в обществе принадлежат иностранным авторам.

Что же касается метода, то центральными публикациями номера следует признать статьи Дениса Шестопаляца и Ольги Мухи, продолжающих спорить о постмодернистских тенденциях в науке. Статьи разнятся по тону и инструментарию, но сопоставимы по яркости и полемическому накалу. Сразу оговорюсь, что в силу собственных убеждений я остаюсь на стороне Дениса, защищающего классическую науку. Мне, бесспорно, импонирует призыв автора сохранить «академические стандарты, иерархию научного знания, его аргументированность, логичность, связность, объяснительную адекватность, верифицируемость» и т. д. Кроме того, в статье задет самый нерв научного поиска – сохранение «правил игры», которые выделяют науку из сферы около- и даже антинаучных практик. С этой точки зрения интересен авторский экскурс в дискурсивно-историческую концепцию К. фон Штукрада – убедительный риторический прием, с помощью которого читатель не только получает аргументы в пользу авторской позиции, но и знакомится с достаточно интересной и новой религиоведческой концепцией.

В то же время, несмотря на достаточно стройный ряд аргументов, а иногда и прямо-таки логическую эквилибристику, статья оставляет противоречивые чувства. Складывается впечатление, что наука – это совокупность равнопривлекательных методов, релевантность которых поставленным задачам определяет демиург-ученый. И вот тут аргументы оппонировавшей Шестопаляцу Ольги Мухи обретают вес. Какие задачи ставит перед собой ученый? Можем ли мы, даже в идеале, представить современный научный коллектив как группу

исследователей, совершенно свободных от сформированных дискурсов-парадигм, планов работы, финансирования, публикаций, дискуссионных площадок и т. д. Задачи, а следовательно и методы научного поиска всегда в той или иной форме предзаданы, а потому декларируемый (возможно против воли) Денисом Шестопальцом волонтаристский субъективизм несколько утопичен.

Что же касается Ольги Мухи, то отдавая ей должное в точности (интуитивной?) усмотрения сущности постмодернистской науки как процесса, адекватного новым социальным реалиям, при которых ученый должен «позиционировать свое знание, продвигать его на рынке, быть его менеджером, продюсером и пиарщиком». Однако тон статьи и ее логика заставляют усомниться в том, что автор действительно остается верной ценностям постмодернизма, которые сама же считает определяющими – методологической комплементарности и плюрализму, заботе об истине, демократичности, гибкости и т. д. Кроме того, некоторые беглые обращения к проблемам фундаментальной физики и логики выглядят небрежно и неубедительно, равно как и «окончательные формулы» подобные «полноценному осмыслению любого феномена» на стр. 51. Что же касается позитивизма, к которому автор относится почти пренебрежительно, то ограниченность контовского инструментария была доказана как минимум в 30-х гг. XX века (а не в 80–90-е, как сказано в статье), однако никто до сегодняшнего дня не отменил его значимости как фильтра на пути анти- и псевдонаучных интервенций в науку. Более того, наука была «изобретена» номиналистами и позитивистами, если угодно, стала их интеллектуальной собственностью в духе НМПП¹, и только благодаря этому со временем были «открыты» постмодернистские модусы ее бытия. Я вполне разделяю тезис о том, что в науке можно видеть специфическую разновидность мифологии, но речь идет о *работающей* мифологии, построенной вокруг аподиктических для научного познания «сюжетов». С этой точки зрения положения о, например, «лептонах как носителях психики» (как антинаучная аномалия, ставшая, тем не менее, частью защищенной докторской диссертации) или о науке как «сервисе» (новое измерения бытия науки), возможны только благодаря существованию классических фундаментальных исследований в «фаустовском» духе.

Впрочем, если не обращать внимание на слишком агрессивный тон статьи (представляется, что здесь доля ответственности лежит на редколлегии, позволившей Ольге Мухе ознакомиться со статьей Дениса Шестопальца и спровоцировавшей тем самым ее на полемику по, что называется, по «горячим следам»), то в статье много важных и точных мыслей по поводу методологии не только религиоведения, но и научного знания вообще.

Эти мысли оказываются как нельзя более уместны в свете следующей статьи журнала – «Критики или опекуны: к дискуссии о положении религиоведа в обществе» авторства Ксении Колкуновой. Статья посвящена

¹ Наименование места происхождения товара – объект интеллектуальной собственности определенного региона (наиболее известные примеры – пармезан, коньяк, портвейн и т.д.).

реферативному рассмотрению нескольких взглядов на место религиоведов в обществе, в частности доктрины Рассела Маккатчеона. Проанализировав, если не сказать, коснувшись нескольких концептуальных подходов, автор приходит к пессимистическому выводу об изолированности и разрозненности религиоведческого сообщества, но так и не формулирует собственной позиции по поводу искомого «места».

Косвенно, с теми же проблемами сталкивается и Илья Ягияев в статье «Проблема определения атеизма в контексте психологических исследований». Работа направлена на уточнение одного из центральных понятий религиоведения, содержание которого находится в коррелятивной связи с пониманием целей науки о религии и ее предмета. Перебрав несколько противоречивых классификаций и данных социальных исследований, а также предложив достаточно странные догадки («большинство психологов являются не верующими») и промежуточные определения (например: «атеизм обозначает уверенность в том, что не существует религии, учение которой является истинным»), автор переводит исследование из психологии в онтологическую плоскость, подчиняя его социологическим целям. В итоге мы получаем парадоксальный результат: объем понятия «атеист» будут составлять 1) /упрощенное определение/ совершенно разношерстная публика типа представителей традиционного общества, не имеющих никакого представления об «истинном учении», основателей новых религий и, например, религиоведов и т. д., неподдающаяся никаким социологическим классификациям да еще и вполне религиозная; 2) /развернутое определение/ рафинированные интеллектуалы, отдающие себе отчет в том, что «существует только каузально замкнутый мир природы». Каким образом социолог может непредвзято узнать о наличии подобных убеждений респондентов и что делать с таким «знанием», остается только догадываться. Представляется, что именно отсутствие четкого понимания места религиоведения в корпусе знания об обществе и целях религиоведческого исследования приводит автора к такому неоднозначному результату.

Еще одна «реферативная» статья знакомит читателей с концепцией «естественного формирования когнитивного автоматизма» (термин дан в переводе автора статьи) Роберта МакКоли. Автор статьи Евгений Пилецкий сосредотачивает свое внимание на сравнительно новой религиоведческой парадигме – когнитивной интерпретации религии. Разговор, таким образом, идет не только о научных методах, но и о сути религии как предмета религиоведения. Насколько можно понять из статьи, анализируемая концепция представляет собой когнитивистский вариант позитивистской интерпретации религии. Р. МакКоли различает «естественно сформированную» «народную» религию и религию «доктринальную», которая по своей структуре и рефлексивности напоминает научное знание, причем первая предоставляет материал для второй и составляет базис для эволюционного «выживания» религии, в том числе и в современном обществе. Конечно, вступать в полемику с теорией, о которой ты имеешь представление только по, пусть и

квалифицированному, реферативному изложению – дело неблагодарное, но одну оговорку сделать, все же, необходимо. В случае противопоставления «первичной» народной и «вторичной» доктринальной религии, да и в рамках самого когнитивного религиоведения (это касается не только концепции Р. МакКоли, но и статьи Х. Уайтхауса, разбираемой ниже) следует помнить о том, что именно концептуальный аппарат, сформированный в рамках одной из доктринальных религий, стал основой и анализа народной религии и рефлексивного (научного, в том числе религиоведческого) подхода к религии вообще.

Украшением рецензируемого номера можно считать статью Марио фон дер Рура «Трансцендирование мира: Витгенштейн, Бог и **непроизносимое**». В ней читатель получает не только зрелый взвешенный подход к сложной и интересной проблеме – религиозным взглядам одного из главных философов XX века, но и разговор о сути религии, причем разговор по сути. Я бы сказал даже больше, автору удалось дать образец научного подхода к тому, что можно обозначить как индивидуальный религиозный опыт. Сделаю оговорку, я солидаризируюсь с теми религиоведами и философами, которые считают эту сферу человеческого опыта недоступной научному исследованию (см., например, мою статью «Проблема раціонального розуміння ірраціонального в науці про релігію» в журнале «Українське релігієзнавство», № 62–63 за 2012 г.), однако М. фон дер Рур сделал практически невозможное. На примере дневниковых и рабочих записей Людвиг Витгенштейна¹ он показал, что его общефилософское убеждение в существовании «знания», которое не подлежит объяснению, но утверждается каждым философом «автобиографично, как индивидом с определенными убеждениями», распространяется и на религиозную сферу. Эта сфера недостижима для рационализаций и доказательств – даже доказательства бытия Бога должны рассматриваться лишь как введение в определенную языковую игру/форму жизни, а не убеждение в Его наличии. Поэтому философия, по своей сути подчиняющая опыт разуму, останавливается на подступах к **непроизносимому**: философия не может стать путем к Богу. Найденный же автором статьи мостик от знаменитого седьмого положения «Логико-философского трактата» к написанной через много лет фразе «Только Богу хвала» говорит о том, что Витгенштейн таки преодолел этот путь. Мистический? Религиозный? В любом случае нерелигиоведческий Витгенштейн стал удачным предметом религиоведческого рассмотрения.

Более противоречивые чувства вызвала статья Харви Уайтхауса «Когнитивная эволюция и религия: познание и религиозная эволюция». Когда-то Пол Фейерабенд доказывал, что любая научно-исследовательская

¹ Правда, с моей точки зрения, «опорные» положения «Логико-философского трактата» следовало дополнить тезисами из «О достоверности», в частности, подобными № 248 («Я достиг твердого грунта моих убеждений. Пожалуй, можно утверждать и то, что этот фундамент поддерживается всем зданием») и № 362 («Но не обнаруживается ли здесь, что знание сродни решению?»).

программа, как бы она себя не дискредитировала в настоящем, сохраняет потенциал дальнейшего развития. Когнитивистская интерпретация позитивизма, сторонником и ярким представителем которой является автор статьи, как нельзя лучше иллюстрирует этот тезис классика философии науки. С другой стороны, регалии автора подтверждают тезис Ольги Мухи о том, что в постмодернистской науке успешное продвижение собственных идей является, до известной степени, легитиматором их значимости. Читая, с моей точки зрения, вариации на темы «Антидьюринга» я вспоминал пламенные выступления глубоко уважаемого мною Евграфа Дулумана (теоретические взгляды которого не разделяю), а безоговорочная вера Х. Уайтхауса в инструментарий эволюционной парадигмы до боли напоминала позицию героя «Повести о Платоне» Питера Акройда, назвавшего «Теорию происхождения видов» Ч. Дарвина «тонкой косвенной пародией на общество, в котором он жил». Научные понятия, особенно такие предельные как «Большой взрыв», «прогресс», «эволюция» несут в себе слишком большой заряд метафоричности, чтобы претендовать на роль позитивистских «эмпирических понятий». Кроме того, следует помнить о «европейской и христианской» ангажированности научного дискурса, что очень точно подметила Наталья Гаврилова в статье (о чем чуть ниже) «К вопросу о новейших методологических и методических подходах в изучении религиозности».

Несколько особняком стоит статья Татьяны Крихтовой, «внедрившейся» в общины пятидесятнической церкви для изучения их религиозной жизни «изнутри». Я всегда выступал против подобного пути получения «религиозного опыта» по, как минимум, двум причинам: 1) не совсем понятно, как можно «перевести» религиозный нарратив (рассказы верующих о своем опыте, наблюдение за ними и собой в религиозных практиках и т. д.) на язык светской науки; 2) каким образом можно совместить декларируемую «инсайдером» религиозную позицию (он – полноценный участник религиозной группы) с пренебрежением главными требованиями религиозного мировоззрения? Я бы сравнил опыт автора статьи с поведением человека, который, желая сохранить вечную верность горячо любимому человеку, вступает во все новые и новые связи в поисках окончательного ответа на вопрос, что же такое верность. Добавлю, что статья моих сомнений не развеяла.

Подводя итоги, следует отметить, что номер посвящен памяти погибшей Наталье Гавриловой, чья статья, помещенная в журнале, цитировалась выше. К статье прилагается краткая биография исследователя и список ее трудов, подготовленные Олегом Киселевым. Это очень важная инициатива, жаль только, что украинская наука обращается к жизненным достижениям ученых, в основном, подводя итоги их земного пути. Не решусь подсказывать формы прижизненного информирования о сделанном тем или иным, достойным внимания, автором, но уверен, что такие примеры стали бы неплохим ориентиром (в том числе и практическим) для молодежи, а иногда и коллег.

Журнал «Релігієзнавчі нариси» – бесспорный вклад в развитие украинского религиоведения. Это и дискуссионная площадка, и основа формирования

группы исследователей с общими подходами к актуальным проблемам науки, и даже общая идентичность. Нашей стране как воздуха не хватает подобных неформальных сообществ, способных привлекать финансирование и другие ресурсы с помощью идей, а не убивать эти идеи необходимостью расходовать деньги и ресурсы, «спущенные» сверху. Проблемы и недостатки современного, в том числе и украинского, религиоведения отражены на страницах «Релігієзнавчих нарисів» как в зеркале, что свидетельствует о его научности и «включенности» в процесс. Среди обязательных для живых изданий недостатков я бы отметил не всегда корректный русский язык части статей и некоторую ограниченность предложенных тем. Очень не хватает, особенно учитывая реалии нашего времени, исследований, посвященных не просто актуальным, но прямо-таки кричащим вопросам: появлению новых религиозных наднациональных сообществ и идентичностей, изменению функций религии в постсекулярном обществе, особенностям «внеконфессиональной» религиозности и мобилизационному потенциалу социальных сетей, ее эксплуатирующих; особенностях жизни религиозных общин в условиях конфликта на востоке Украины (по обе стороны линии разграничения), участии общин в социальной жизни современного общества и т. д. Подобные исследования могли бы предложить возможные ответы на вопросы, которыми задаются не только ученые, но и более широкая общественность.